

О «РОДНОМ СЛОВЕ» К. Д. УШИНСКОГО

Творческий путь К. Д. Ушинского в высшей степени поучителен. Одна цель проникает всю его жизнь: принести как можно больше пользы своему народу. Эта цель и помогла ему преодолеть все препятствия — внешние и внутренние, которые встречались на его пути.

Окончив юридический факультет Московского университета, Ушинский 22 лет занял кафедру энциклопедии законоведения в Ярославском юридическом лицее. Однако, поняв, что народ после падения крепостного права больше всего нуждается в воспитании, в просвещении, Ушинский уже в 1854 г. начал педагогическую деятельность.

В 1868—1869 гг. выходит его работа «Человек как предмет воспитания» (опыт педагогической антропологии), 2 тома.

Теоретическая разработка педагогики показала Ушинскому, что воспитание без обучения невозможно. А обучение нужно было начинать с грамоты. Существовавший тогда искусственный, схоластический, буквослагательный метод не удовлетворял Ушинского. Он был основоположником в России звукового метода обучения грамоте. Хотя звуковой метод получил уже значительное распространение на Западе, однако Ушинский не заимствовал его механически. Русские потребности, свойства русского языка и опыт практического применения звукового метода показали, что вопрос надо решать самостоятельно. Это потребовало большой теоретической работы над фонетикой, письмом и словарем русского языка. Результатом этой работы и явилась азбука и первая после азбуки книга для чтения — «Родное слово», год первый (Изд. 1-е, 1864 г.).

В первоначальный план «Родного слова» не входила грамматика как отдельная часть, но «собственный опыт при занятиях с детьми, а еще более наблюдения за занятиями других по «Родному слову» и «Детскому миру» убедили нас, — говорит Ушинский, — что при первоначальном практическом знакомстве с отечественной грамматикой, в разборе и при словесных и письмен-

ных грамматических упражнениях, если и не невозможно, то, по крайней мере, очень трудно обойтись без особого, именно для этой специальной цели подготовленного, грамматического руководства»¹.

«Перебирая наши учебники по грамматике, мы не нашли нигде ни одного, который удовлетворял бы этой цели, как мы ее понимаем»².

Опять пришлось составлять учебник грамматики, предварительно самостоятельно решив ряд теоретических вопросов.

Так, практика требовала теоретического освещения, а теория претворялась в практику и проверялась на практике.

Ушинский всегда понимал задачу во всей ее конкретности и давал лучшее при данных условиях ее решение. При составлении азбуки ему пришлось решать вопрос о соотношении устной и письменной речи. Он верно понял, что наше письмо отражает устную речь.

Отсюда — требование начинать со звуковых упражнений, приготавливающих к чтению. «Изучив все гласные звуки, все еще не давая детям в руки азбуку, можно уже приступить к звуковому изучению согласных»³.

Так дифференцировались трудности исходя из самого существа того, что понималось под устным и письменным языком.

Ушинский при этом принимал во внимание и то, что наше письмо не точно соответствует устной речи. Он так пишет: «В слове «вола» над буквой «о» стоит звездочка, чтобы напомнить детям, что «о» здесь произносится, как «а». Такая же звездочка стоит над всеми буквами, не имеющими своего настоящего произношения»⁴ (то есть, другими словами, — не соответствующими произношению).

Этот принцип был провозглашен с совершенной точностью. Правда, состояние науки в то время ему не позволило провести его последовательно, но для тех времен и требовать этого было трудно. Вы представляете себе, до какой степени самостоятельно он должен был проделать эту кропотливейшую работу. Мы не могли бы указать, на что он, собственно говоря, мог бы опереться в этой работе.

Большое внимание уделял Ушинский изучению словаря. Его предшественники в этой области (например Гугель) не дали решения вопроса, которое могло бы удовлетворить Ушинского. Ушинскому пришлось опять самостоятельно выработать систе-

¹ «Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. II, стр. 383. Избранные сочинения, т. II, М. 1938.

² Там же, стр. 384

³ «Руководство», ч. I, стр. 165.

⁴ Там же, стр. 167.

му изучения словаря; он при этом ни на минуту не забывал конечной цели обучения: «всякое не мертвое, не бесцельное обучение имеет в виду готовить дитя к жизни, а ничто не должно быть важнее в жизни, как уметь видеть предмет со всех сторон и в среде тех отношений, в которые он поставлен».

Следуя ходу развития познания, Ушинский шел от близкого к далекому, от конкретного—к отвлеченному, от непосредственного восприятия предмета или явления—к слову, которое называет и обобщает.

При таком обучении у ребенка не было пустых слов, речь его была содержательна и выразительна. К такой речи и вел Ушинский. Он так об этом говорил:

«Та речь действительно хороша, которая выражает как раз то, что должна выражать, не более и не менее. Всякие украшения речи, не имеющие отношения к ее содержанию, только портят ее. Повторяем еще раз, что не садить и размножать, но вырывать с корнем эти цветы красноречия должна хорошая школа, приучающая дитя выражать предмет, как он в душе его сознается. А сознать по возможности ближе к истине, т. е. сообразно наблюдению»¹.

В «Родном слове» сделана одна из первых у нас попыток систематического изучения словаря в школе. Это наиболее сильная сторона учебника. Надо пожалеть, что эта попытка не получила дальнейшего развития.

В грамматике Ушинский справедливо видел логику языка. Правда, не только логику, и он это хорошо оговаривает. Но логику в каком смысле? Как дальнейшую ступень отвлечения, обобщения. Изучение ее коренным образом отличается от изучения других наук: «Многие науки обогащают только сознание дитяти, давая ему новые и новые факты, грамматика начинает развивать самосознание человека...» Она является «началом самонаблюдения человека над своей душевной жизнью»².

«Всякое дитя, одаренное слухом, усваивает уже готовый прежде него созданный язык. В этом отношении мать, няня, словом семья, является первым наставником ребенка в отечественном языке. Когда дело доходит до учителя, то дитя уже обладает громадным сокровищем, даже превышающим детские потребности»³.

«Из такого отношения дитяти к полуусвоенному языку» Ушинский выводит обязанность первоначального наставника в отечественном языке:

«Во-первых, привести дитя в осознание того, чем оно владеет.

¹ «Руководство», ч. II стр. 394.

² Там же, стр. 392.

³ Там же, стр. 390.

Во-вторых, исправлять и пополнять его словарные запасы.

В-третьих, вводить в понимание законов языка».

«Изучение грамматики должно происходить для ребенка из его собственных наблюдений над тем, как он говорит, и чем самостоятельней будут сделаны эти наблюдения, тем лучше»¹.

Проанализировав, как дело обстоит на самом деле, Ушинский обратился к той грамматической теории, которая существовала в его время. «Шаткое положение современной русской грамматики» заставляет его критически пересмотреть важнейшие грамматические работы Буслаева и его последователей.

Критика Ушинского во многом справедлива, остроумна и не утратила значения до нашего времени. Он справедливо возражает против того, чтобы «наряжать наш молодой язык в средневековые формы латинской грамматики, которые и для мертвого латинского языка не совсем-то пригодны»². Он это иллюстрирует следующим образом. Он говорит: какая нелепость то, с чего начинают обыкновенно все грамматики. Начинают они с предложения и определяют подлежащее, как предмет, о котором говорится в предложении, а потом говорят о безличных предложениях как о таких, в которых нет подлежащего. Следовательно, говорит он, если одно равное заместить другим равным, то получится, что есть предложения, в которых ни о чем не говорится. Что за нелепость... И вот, — говорит он, — такой нелепости учат. Например, заставляют говорить, что если есть предложение «Я хочу», то лицо здесь выражено, а если есть предложение «Мне хочется», то лицо здесь не выражено, и это надо считать безличным предложением.

«При такой невыработанности основных грамматических положений и имея прежде всего в виду педагогическую цель, мы вынуждены были сделать более или менее важные исправления, а это само по себе чрезвычайно неприятно, — во всяком учебнике, тем более первоначальном. Но все же эта неприятность гораздо менее той, которую приходится испытывать всякому преподавателю, когда он вынужден объяснять детям что-нибудь нелогичное, непонятное, иногда — лишенное всякого смысла».

И здесь у него много иллюстраций из области синтаксиса, из области определения частей речи. И я должен сказать, что они не утратили своей остроты и для наших дней.

Глубоко проникнув в сущность языка, Ушинский дает и практические указания, но не рецепты. Они основаны на самом существе процесса обучения. Я упомяну только два положения, которые мне кажутся особенно нужными, и не только при изучении

¹ «Руководство», ч. II, стр. 392.

² Там же, стр. 106.

языка: 1) «Воспитатель, понимающий природу памяти, будет беспрестанно прибегать к повторению не для того, чтобы починить развалившееся, но для того, чтобы укрепить здание и вывести на нем новый этаж»¹.

Смотрите практику: выучил, забыл, повторяет. Это именно та починка разрушенного, которая совершенно не считается с тем, что должен делать воспитатель, понимающий природу памяти. Связи установлены, связи разрублены, от них остаются какие-то клочки, а потом все начинается снова, и это называется повторением. 2) «Забвение — дурная привычка» это просто откровение какое-то. Многие думают: забыл, и это оправдание, а он говорит, что нет, это «дурная привычка».

Мне хотелось бы именно на эту сторону обратить внимание, потому что то, что делал Ушинский, должен делать каждый составитель учебника, каждый преподаватель, каждый студент, который готовится стать преподавателем. И именно, зная эту практическую задачу, к разрешению которой он подходит, он сейчас же должен осветить ее теоретически и теорию проверить на практике. Я считаю, что это должен делать наш Педагогический институт.

¹ «Руководство». ч., I стр. 207